

Научная статья
УДК 343.01:343.13
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-3-17-25>

Правонарушения, посягающие на национальную безопасность: к вопросу о видах и формировании понятия

Мусаткина Александра Анатольевна

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, Musatkinaaa@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется новая Стратегия национальной безопасности в части закрепления в ней угроз в виде различных разновидностей правонарушений. Уделяется внимание исследованию различных статистических данных, показывающих характер угроз и их усиление в результате различных разновидностей правонарушений. Обосновываются различные критерии, на основе которых то или иное правонарушение можно отнести к посягающему на национальную безопасность. Отмечаются недостатки Стратегии национальной безопасности. Делается вывод, что правонарушение, посягающее на национальную безопасность, – это виновное общественно опасное деяние или их совокупность, представляющие в своем единичном или множественном проявлении угрозу для объектов национальной безопасности и влекущие за их совершение юридическую ответственность.

Ключевые слова: правонарушение, национальная безопасность, виды правонарушений, объекты национальной безопасности, структура правонарушаемости, статистические данные

Финансирование: исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-011-0083 «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

Для цитирования: Мусаткина А. А. Правонарушения, посягающие на национальную безопасность: к вопросу о видах и формировании понятия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 17–25. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-3-17-25>.

Original article

Offenses impacting on national security: on the question of types and formation of the concept

Aleksandra A. Musatkina

Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation, Musatkinaaa@mail.ru

Abstract. The new National Security Strategy is analyzed in terms of fixing threats in it in the form of various types of offenses. Attention is paid to the study of various statistical data showing the nature of threats and their intensification as a result of various types of offenses. Various criteria are substantiated on the basis of which this or that offense can be attributed to encroaching on national security. The shortcomings of the National Security Strategy are noted. It is concluded that an offense that infringes on national security is a guilty socially dangerous act or their combination, which, in its single or multiple manifestation, is a threat to national security objects and entails legal responsibility for their commission.

Keywords: offense, national security, types of offenses, objects of national security, structure of offense, statistical data

Funding: the research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 19-011-0083 “Legal responsibility in the mechanism of ensuring national security”.

For citation: Musatkina A. A. Offenses impacting on national security: on the question of types and formation of the concept. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3 (55), pp. 17–25. (In Russ.). 10.36511/2078-5356-2021-3-17-25.

© Мусаткина А. А., 2021

Понятие правонарушения в теории государства и права является устоявшимся, и в научной, и учебной литературе воспроизводятся с небольшими терминологическими различиями одинаковые по своей сути дефиниции, основанные как на их законодательном определении, так и на научных разработках. Так, правонарушение определяют как виновное противоправное и общественно опасное (вредное) деяние, совершенное деликтоспособным субъектом, влекущее юридическую ответственность [1–3]. Вполне традиционно выглядит и деление правонарушений на два типа (вида) – преступления и проступки, которое проводится в зависимости от степени общественной опасности (вредности). Целью данной статьи является не анализ устоявшихся признаков правонарушения, так как они подробно исследованы в юридической литературе, а формирование понятия отдельной разновидности правонарушений, объектом которых выступают общественные отношения, обеспечивающие национальную безопасность, а также вопросы внутренней классификации правонарушений данного вида.

Для формирования определения «правонарушения, посягающие на национальную безопасность» необходимо обратиться к самому понятию «национальная безопасность» и тем угрозам, которые представляют для нее опасность. Тем более данная проблема актуализируется ввиду того, что 2 июля 2021 года принята новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее по тексту – Стратегия) [4].

В новой Стратегии национальная безопасность определяется как «состояние защищенности интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» (п. 1 п. 5).

Новое определение национальной безопасности по своему смыслу фактически воспроизводит дефиницию, которая содержалась в утратившей в настоящее время силу Стратегии 2015 года. Различия заключаются в следующем: на первое место поставлены интересы Российской Федерации, а не личности, также формулировка «устойчивое социально-экономическое развитие» изменена на формулировку «социально-экономическое развитие». Кроме

того, в новой Стратегии вслед за ее определением не перечисляются виды национальной безопасности, а для выявления объектов посягательств, и, соответственно, правонарушений в сфере национальной безопасности прежде всего необходимо уяснить ее виды.

Определить виды национальной безопасности можно на основе анализа ее объектов, перечисляемых в легальной дефиниции, а также путем толкования названий некоторых подразделов Стратегии. Так, если исходить из объектов национальной безопасности, то ими являются: государственная безопасность, включающая суверенитет, независимость и государственную целостность; безопасность личности, в содержание которой входит реализация человеком и гражданином предоставленных прав и свобод; экономическая безопасность.

Раздел IV Стратегии (обеспечение национальной безопасности) содержит следующие подразделы: сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; оборона страны; государственная и общественная безопасность; информационная безопасность; экономическая безопасность; научно-технологическое развитие; экологическая безопасность и рациональное природопользование; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; стратегическая стабильность и взаимовыгодное сотрудничество.

Сопоставление объектов национальной безопасности и названий подразделов Стратегии приводит к выводу, что в них происходит конкретизация объектов. Так, государственную безопасность, включающую территориальную целостность, невозможно обеспечить без обороны страны, а также без достижения стратегической стабильности на международной арене. Объект национальной безопасности в виде прав и свобод личности раскрывается через сбережение народа. Кроме того, данный объект обеспечивается посредством реализации других видов национальной безопасности. Так, граждане обладают правом на общественную безопасность, проживание в благоприятной экологической среде, сохранение и приумножение нравственных ценностей и так далее.

Другой аспект, на который хотелось бы обратить внимание, заключается в том, что в утратившей силу Стратегии в дефиниции национальной безопасности на первом месте находилась защищенность личности, а далее общества и государства. Тогда как в новой Стратегии на первом месте стоит «защищенность

интересов Российской Федерации». На первый взгляд может сложиться впечатление, что происходит отступление от конституционной традиции, в которой личность, ее права и свободы признаются высшей ценностью. Однако, с другой стороны, первичность и гегемония прав и свобод, доведенные до эгоизма, – это западные ценности, которые в нашей правовой системе не приживаются и характеризуют крайний либерализм. Приходим к выводу, что данная формулировка не противоречит Конституции Российской Федерации, так как все зависит от того, как понимать само государство и его сущность: видеть в нем только карательный механизм, подавляющий права и свободы, или рассматривать его как партнера по отношению к личности и гражданскому обществу и как главного обеспечителя самого механизма реализации прав и свобод человека и гражданина.

Анализ объектов национальной безопасности и названий некоторых подразделов Стратегии позволяет выделить следующие наиболее укрупненные виды национальной безопасности: личности, государственную, общественную, военную, экономическую, экологическую, духовно-нравственную, информационную, научно-технологическую. Исходя из соответствующих научных разработок необходимо выделить и правовую безопасность, но при этом следует различать правовую безопасность в целом и правовую безопасность как составную часть национальной безопасности. При этом мы понимаем условность подобного рода деления, так как возможна более детальная классификация видов национальной безопасности. Например, к разновидностям государственной безопасности следует отнести антикоррупционную безопасность, миграционную безопасность и так далее. О том, что личность, ее права и свободы являются первоочередным объектом, указывается и в Основном законе. Так, обеспечение безопасности личности находится в ведении Российской Федерации (п. «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации). В таком же контексте об этом объекте говорится и в других статьях Конституции Российской Федерации. В определении видов национальной безопасности, которые мы проводим, исходя из ее объектов и некоторых других критериев, нельзя не отметить расхождение с видами, которые приводятся в Федеральном законе от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» [5], что во многом предопределено тем, что настоящий Закон оставляет перечень видов национальной безопасности открытым.

Так, в статье 1 данного закона указано, что «настоящий Федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации» (ст. 1).

Формирование понятия «правонарушения против национальной безопасности» усложнено несколькими факторами. Во-первых, наличием очень большого законодательного массива, закрепляющего преступления и иные правонарушения, родовой, видовой или непосредственный объект которых совпадает с объектами или видами национальной безопасности.

Так, в УК РФ целые разделы, включающие в свою очередь главы, посвящены преступлениям: «против личности»; «в сфере экономики»; «против общественной безопасности» и общественного порядка; «против государственной власти»; «против мира и безопасности человечества», что представляет собой структура Особенной части УК РФ. Многие названия глав КоАП РФ коррелируют с названиями не только глав УК РФ, но и с соответствующими объектами национальной безопасности. Например, административные правонарушения, посягающие на права граждан; административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования; административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность и др.

Известно, что ГК РФ не содержит специальных глав, посвященных составам правонарушений, однако в статье 169 ГК РФ устанавливается правило о недействительности сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности. Кроме того, из общих начал гражданского законодательства вытекает требование о добросовестности действий участников гражданско-правовых отношений, находящееся в основе возникновения общерегулятивных правоотношений. Правонарушения, причиняющие вред национальной безопасности, стали выделять и среди финансово-правовых противоправных деяний [6].

Далее для определения правонарушений, посягающих на национальную безопасность, необходимо произвести анализ новой Стратегии с целью акцентирования внимания на тех или иных разновидностях правонарушений. Так, в разделе, посвященном России в современном мире, указывается на необходимость консолидации борьбы «с терроризмом,

экстремизмом, наркобизнесом, организованной преступностью» (п. 18). В подразделе, посвященном государственной и общественной безопасности, говорится о совершенствовании единой государственной системы профилактики преступности и формировании атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности (п. 41). В нем же указывается, что «остается высоким уровень преступлений против собственности, в сфере использования водных биологических и лесных ресурсов, в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а также кредитно-финансовой сфере» (п. 42).

В этом же пункте отмечается, что растет число преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, а дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку оказывают экстремистские проявления (п. 42). В этом же подразделе, но уже в аспекте достижения целей обеспечения государственной и общественной безопасности указывается на преступные посяательства на основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, в том числе путем инспирирования «цветных революций»; снижение уровня преступности в экономической сфере; предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности, нецелевого использования и хищения бюджетных средств; выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, а также наркотических средств (п. 47).

В подразделе, посвященном информационной безопасности, затрагиваются проблемы использования информационно-коммуникативных технологий в целях легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, распространения наркотических средств и психотропных веществ (п. 54). В подразделе о стратегической стабильности и взаимовыгодном международном сотрудничестве отмечается необходимость его развития «в области противодействия терроризму, экстремизму, коррупции, незаконному производству и обороту наркотических средств и психотропных веществ, нелегальной миграции, трансграничной преступности» (п. 25 п. 100).

Как видно, в Стратегии дается весьма обширный перечень преступлений и иных правонарушений, представляющих угрозу национальной безопасности. Однако первое, что на себя обращает внимание, это хаотичность набора противоправных деяний, которые не выстроены

в определенную систему. Во-вторых, наблюдается акцентирование внимания на подразделе, посвященном государственной и общественной безопасности, в результате чего может складываться впечатление, что в иных сферах отсутствуют преступления и иные правонарушения, посягающие на национальную безопасность.

Так, в разделе об экономической безопасности отсутствуют даже упоминания об экономических преступлениях и правонарушениях как соответствующих угрозах, а также методах и средствах борьбы с ними. Между тем в основе процветания любого государства находится сильная экономика со свободной конкуренцией, развитым малым и средним бизнесом, а не поглощающий монополизм и стремление к выводу капитала за границу, манипулирование ценами и картельные сговоры, а также иные негативные явления. Без сильной экономики государству практически невозможно осуществлять свое основное социальное предназначение. Только в подпункте 24 пункта 100 указывается на необходимость совершенствования системы государственного контроля (надзора) в сфере экономической деятельности. Умалчивается о негативном влиянии различных правонарушений на экологическую безопасность, научно-техническое развитие, духовно-нравственную безопасность.

Очевидно, каждый из подразделов, посвященный тому или иному виду национальной безопасности, должен содержать примерный перечень деяний, представляющих угрозы для национальной безопасности, но для его определения необходимы также соответствующие научные разработки. Следует отметить, что в юридической литературе предпринимались отдельные попытки выделить преступления, посягающие на национальную безопасность. Так, В. К. Дуюнов и Р. В. Закомолдин рассматривают национальную безопасность как общий объект уголовно-правовой охраны [7, с. 26]. В своей системе доводов они отмечают, что «из уголовного закона следует, что все преступления посягают на общественную безопасность в разных ее проявлениях и сферах [7, с. 20]; «субъектом национальной безопасности является нация как триединство личности, общества и государства, а объектом национальные интересы как совокупность гармонично сочетаемых интересов личности общества и государства» [7, с. 32]; «национальная безопасность представляется как сложная и многогранная категория, в основе которой лежит триединство таких ключевых социальных субъектов общественных отношений, как государство, общество и личность» [7, с. 32].

Представление национальной безопасности в виде некоего «триединства интересов» выглядит несколько иллюзорно, так как государство, общество и личность всегда находятся в состоянии тех или иных противоречий, которые на определенном этапе развития обостряются, а на ином – сглаживаются. Ярким примером тому является действующее законодательство, приобретающее все более классовый характер, так же как и практика его применения, что особенно наглядно видно в смехотворности наказаний за преступления в сфере экономической деятельности, о чем отмечено и в монографии указанных авторов в виде вступительного слова другого ученого к ней [8, с. 5].

На первый взгляд, выглядит вполне логичным признание национальной безопасности общим объектом уголовно-правовой охраны, но при этом отпадает необходимость в самой дефиниции – «преступление, посягающее на национальную безопасность», так как таковым можно признать любое уголовно наказуемое деяние. Например, кража мешка картошки, стоимость которой превысила установленный размер, квалифицируется как уголовно наказуемое деяние по соответствующей статье УК РФ.

Можно абстрагироваться от уголовно-правовой материи и пойти дальше, рассматривая объекты охраны, предусмотренные различными нормативными правовыми актами и отраслевыми институтами юридической ответственности, выйдя, таким образом, на общий объект правовой охраны в целом. При этом в качестве последнего предстанет вся совокупность общественных отношений, регулируемых правом, то есть, иными словами, правопорядок, что приведет к еще большим трудностям в определении правонарушений, посягающих на национальную безопасность. Возможно, что к таким выводам авторов привело и частичное совпадение объектов национальной безопасности с названиями соответствующих глав и разделов УК РФ, но отметим, что четкая структурированность характерна исключительно для УК РФ и КоАП РФ. В других нормативных правовых актах она отсутствует и вряд ли появится когда-либо.

Кроме того, сложно признать выводы верными, если они основаны исключительно на воле законодателя, так как последняя весьма изменчива. Здесь уместно вспомнить фразу, давно ставшую крылатой: «юридическая наука начинается там, где мы можем сказать “нет” законодателю». Преступления против национальной безопасности авторы фактически соотнесли с общим объектом уголовно-правовой охраны,

но можно пойти и иным путем, выделив группы или отдельные преступления, когда национальная безопасность выступает родовым, видовым или непосредственным объектом. Здесь же следует отметить, что усложненная классификация объектов получила свое окончательное оформление только после вступления в силу УК РФ и основывается во многом на наличии в структуре уголовного закона не только глав, но и разделов. Известно, что УК РСФСР 1960 года в рамках Особенной части подразделялся только на главы. В данном случае опять сталкиваемся с отраслевой методологией, идущей в унисон со структурой нормативного правового акта.

Ранее применительно к несколько иному предмету исследования нами предпринималась попытка выделить из всего массива юридических норм правовую безопасность именно как составную часть национальной безопасности, отграничив ее от правового опосредования отношений национальной безопасности. Думается, что аналогичную методику можно применить и при попытках определения различных категорий правонарушений, посягающих на национальную безопасность. Так, нами отмечалось, что такие критерии «должны быть основаны на различного рода статистических данных, а также экспертных оценках о латентной правонарушаемости. На их основе и показывается, насколько те или иные процессы являются глобальными и угрожают определенному виду национальной безопасности» [9, с. 12]. Иными словами, для создания реальных угроз национальной безопасности необходима массовость правонарушений, их достаточно большой удельный вес, когда они именно в своей совокупности могут причинить ей вред.

Следующий критерий заключается в особой важности тех или иных отношений, когда даже единичное их нарушение может привести к катастрофическим последствиям в области охраны окружающей природной среды или к техногенной катастрофе. Кроме того, «необходимо принимать во внимание и основополагающие международные нормативные правовые акты, противодействующие таким негативным явлениям, как терроризм, экстремизм, работорговля, отмывание денег и др.» [9, с. 12]. Даже единичные правонарушения в указанных сферах посягают на национальную безопасность. На основе указанных критериев можно выявить не только уголовные, но и административные, финансово-правовые, трудовые и иные правонарушения, посягающие на национальную

безопасность. Последняя может выступать у некоторых правонарушений в качестве видового объекта, в других – непосредственного. При этом не всегда имеет значение, в какой главе законодатель сформулировал то или иное правонарушение, а тем более ее название. Правовая наука не всегда должна быть основана на воле законодателя, в противном случае ее значение упадет до решения одной прикладной задачи – комментирования положений действующих нормативных правовых актов, пусть даже и научного.

При определении правонарушений, посягающих на национальную безопасность, необходимо учитывать совокупность различных факторов: экономических, нравственных, политических, демографических, миграционных, прироста и убыли населения, среднюю продолжительность жизни и так далее. Хотелось бы этим сказать, что виды правонарушений, посягающих на национальную безопасность, не являются постоянной категорией, они изменчивы и зависят, прежде всего, от объективного характера угроз, а не исключительно от воли законодателя. Иными словами, для определения видов правонарушений необходим анализ различного рода статистических данных и не только по преступности.

Обратимся к анализу некоторых статистических данных. Так, по сравнению с 2019 годом в 2020 году общая численность населения России сократилась более чем на 500 тысяч человек. Число умерших в 2020 году составило 2 138 586 человек. Естественный прирост (его необходимо отличать от общего прироста) в 2020 году – 702 072 человек, то есть он фактически превратился в убыль населения. В то время как в 2019 году он составлял 317 233 человек. При этом отрицательные значения нельзя «списать» на COVID-19, так как от данного заболевания умерло более 144 тысяч человек. За различные плановые периоды реализации национальных проектов, программ, стратегических указов Президента Российской Федерации только в 2013–2015 годы удавалось достичь положительного прироста, который варьировался от 32 038 до 24 013 человек. В убыли населения наша страна подошла вплотную к кризисным отметкам 1995–2000 годов, когда она составляла более 900 тысяч человек в год [10].

Согласно данным официальной статистики, самый большой естественный прирост в нашей стране был в 1960 году. Возможно, современной власти следует задуматься над тем, какую же политику необходимо проводить, чтобы он

достиг подобной величины (1 миллион 896 тысяч человек). На официальном сайте Росстата не обнаружены данные по доходам населения за 2020 год, а в 2019 году доход в среднем по России составлял 35 247 рублей в расчете на душу населения в месяц, при этом в некоторых субъектах Российской Федерации он находится в диапазоне 16 583–23 тыс. рублей. Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в 2020 году составила 17 миллионов 800 тыс. человек [10].

Для сравнения, в начале действия утратившей силу Стратегии национальной безопасности (2015) аналогичный показатель равнялся 19 миллионам 600 тысячам человек [10], то есть произошло незначительное снижение. Возникает вопрос, насколько можно доверять такому снижению? По официальным данным на территории России увеличивается средняя продолжительность жизни, но при этом ежегодно уровень естественного прироста населения уходит в минусовые значения и при этом несколько менялась методика подсчета средней продолжительности жизни. Можно констатировать, что средняя продолжительность стала больше в результате сокращения младенческой и детской смертности, а не в результате увеличения продолжительности жизни людей, относящихся к старшему поколению. Увеличение общей численности населения страны было обусловлено также вхождением в состав Российской Федерации Республики Крым.

Анализ не только данных о преступности, но и различных причин смерти показывает, что в результате дорожно-транспортных происшествий погибло 13 972 человека, всего на транспорте – 17 062 человека; более 16 тысяч человек покончили жизнь самоубийством; от различных видов насилия, включая убийства, погибло более 45 тысяч человек. Причины смерти около 50 тысяч человек обусловлены употреблением алкоголя, 7 316 человек – употреблением наркотиков [10]. Численность пострадавших от производственного травматизма в 2020 году составила более 20 тысяч человек, из них со смертельным исходом – 910 человек. Число человеко-дней нетрудоспособности у пострадавших на производстве более 49 млн.

В настоящей статье не преследуется цели провести детальный анализ статистики по состоянию преступности, а только отметим некоторые показатели. Наблюдается продолжение роста преступности: в январе – декабре 2020 года зарегистрировано 2 044 преступлений. Только официально зарегистрированный ущерб

от преступлений составил 512,8 млрд рублей. На 73,4 % больше совершено преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий. Ущерб от преступлений экономической направленности – 339,5 млрд рублей. Количество преступлений коррупционной направленности составило 30 813. Совершено более 20 тыс. умышленных причинений тяжкого вреда здоровью [11].

На основе анализа статистики можно сделать выводы, что происходит уменьшение численности населения России, в том числе и в результате различных противоправных деяний. Означает ли это, что любые правонарушения, посягающие на жизнь и здоровье, следует отнести к противоправным деяниям, представляющим угрозу для национальной безопасности? Думается, что нет. Таковыми они являются в своей совокупности, а не на уровне единичного посягательства.

При этом национальная безопасность не переносится на уровень общего объекта. Она выступает и видовым объектом вне зависимости от того, как называется тот или иной раздел нормативного правового акта. Чтобы не «ломать» устоявшиеся представления о «привязанности» родового или видового объекта правонарушения к названию раздела, можно предположить наличие двух объектов.

Как уже указывалось, отнесение правонарушений к посягающим на национальную безопасность вариативно и зависит от политических, экономических, демографических, эпидемиологических и иных факторов, а также от массовости данного явления. К примеру, само по себе единичное нарушение противэпидемиологического требования в виде ношения маски не может представлять большой опасности. Но если подобные явления становятся массовыми на фоне отсутствия естественного прироста населения и того факта, что за 2020 год от COVID-19 скончалось более 140 тысяч человек, то уже можно утверждать об угрозе национальной безопасности.

Однако даже единичные преступления в некоторых случаях могут непосредственно посягать на национальную безопасность ввиду их повышенной общественной опасности. Например, экстремизм, терроризм, диверсия, шпионаж, государственная измена и так далее. В ряде случаев правонарушение таковым можно признать на основе наступивших последствий. Отнесение преступления или иного правонарушения к посягающему на национальную безопасность может зависеть и от объема

полномочий должностного лица. Например, коррупционные правонарушения в своей совокупности посягают на национальную безопасность, «разъедая», как ржавчина, государственный механизм, но группа противоправных деяний, которые мы относим к коррупционным, очень обширна. Так, к ним относятся и незначительные дисциплинарные проступки, только формально относящиеся к коррупционным. Или, к примеру, превышение полномочий, совершенное обычным сотрудником ДПС, несопоставимо по объемам и масштабам последствий с аналогичным деянием лиц, занимающих государственную должность, поскольку их действия могут влиять на функционирование целого региона или отдельной отрасли экономики.

Другая проблема, на которую хотелось бы обратить внимание, это недооценка опасности гражданско-правовых правонарушений, в том числе и злоупотребления правом, в качестве угроз национальной безопасности, что во многом обусловлено и некоторым преувеличением «частности» всей отрасли права, ее направленности на регулирование частноправовых отношений, которые якобы не связаны с национальной безопасностью. Между тем гражданско-правовое правонарушение, совершенное в сфере экономической деятельности, может выступать и в качестве способа совершения уголовно наказуемого деяния. Отмечая охрану частных интересов в качестве приоритета гражданского права, исследователями регулярно «забывается», что участниками гражданско-правовых отношений выступают и органы государственной власти, и государственные корпорации, и бюджетные организации. При этом в докладах и обзорах Счетной Палаты Российской Федерации постоянно отмечается отсутствие прозрачности в сфере государственных закупок, следование их формальным, а не содержательным критериям, а также различного рода злоупотребления. Проблема состоит и в том, что специальный учет гражданско-правовых правонарушений, сопоставимый с объектами национальной безопасности, не ведется.

На сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации представлена статистика о количестве рассмотренных гражданско-правовых дел, которые дают весьма слабое представление о реальной опасности данных деяний и никак не коррелируются с приоритетами национальной безопасности. Практически любое преступление в сфере экономической деятельности, а таковых за 2020 год

зарегистрировано более 35 тыс., сопряжено и с гражданско-правовыми деликтами, а относительно небольшое количество противоправных деяний в данной сфере подчеркивает только их латентность и низкую выявляемость. Кроме того, гражданско-правовая ответственность может наступать и за правонарушения в области охраны земель, и за загрязнение атмосферы, а также иных объектов окружающей природной среды.

Не преследуя цели детального анализа гражданско-правовых правонарушений, укажем, что при их исследовании необходимо учитывать свойства системности охраны общественных отношений, из которых вытекает и системность правонарушений. Между так называемыми публично-правовыми и частноправовыми правонарушениями больше общих характеристик, нежели отличительных.

Итак, в заключение статьи сделаем выводы с учетом заявленного названия статьи, поскольку речь идет только о начальном этапе формирования понятия «правонарушение, посягающее на национальную безопасность».

Правонарушение, посягающее на национальную безопасность, – это виновное общественно опасное деяние или их совокупность, представляющие в своем единичном или множественном проявлении угрозу для объектов национальной безопасности, и влекущие за их совершение юридическую ответственность.

Любое определение не может включать в себя все признаки объекта, поэтому укажем их, абстрагируясь от классических характеристик любого правонарушения. Во-первых, видовым или непосредственным объектом данных правонарушений выступают отношения национальной безопасности, а отнесение последних исключительно на уровень общего объекта приводит к аморфности данной категории. Во-вторых, объект отдельного правонарушения (или их совокупности), посягающего на национальную безопасность, не зависит от его формального закрепления в той или иной главе соответствующего нормативного правового акта, и, следовательно, не связан исключительно с волей законодателя. В-третьих, правонарушения, посягающие на национальную безопасность, – это категория вариативная, зависящая и от совокупности экономических, демографических, политических, экологических, духовно-нравственных и иных факторов. С учетом этого к правонарушениям, посягающим на национальную безопасность, может относиться как исключительно

совокупность противоправных деяний, так и отдельные правонарушения.

Классифицировать правонарушения, посягающие на национальную безопасность, можно по различным основаниям: в зависимости от объектов национальной безопасности, на основании их количественных и качественных характеристик, в основу деления может быть положен и отраслевой критерий.

Список источников

1. Ромашов Р. А. Право: нормативность и девиантность. СПб.: Алетейя, 2018. 274 с.
2. Поздышев Р. С. Длительное правонарушение (теория, практика, техника). Н. Новгород, 2020. 33 с.
3. Зарян Д. Г. Объективная сторона правонарушения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 28 с.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27, ст. 5351.
5. Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 2.
6. Институты финансовой безопасности / Кучеров И. И. [и др.] / под ред. И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. М.: ИНФРА-М., 2020.
7. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности. М.: РИОР, 2020. 244 с.
8. Милюков С. В. Предисловие к монографии: Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности. М.: РИОР, 2020. С. 3–6.
9. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. О юридической безопасности в сфере трудовых отношений в свете общей теории правовой безопасности // Вопросы безопасности. 2019. № 4. С. 1–19.
10. Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 10.07.2021).
11. Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 20.06.2021).

References

1. Romashov R. A. Law: normativity and deviance. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2018. 274 p. (In Russ.)
2. Pozdyshev R. S. Continuing offense (theory, practice, technique). Nizhny Novgorod, 2020. 33 p. (In Russ.)
3. Zaryan D. G. Objective side of the offense: Author's abstract. Dissertation... candidate of sciences (law). Kazan, 2006. 28 p. (In Russ.)
4. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, no. 400. *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27, art. 5351. (In Russ.)

5. *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2011, no. 1, art. 2. (In Russ.)
6. Kucherov I. I. [and other]. *Institutes of financial security*. / ed. I. I. Kucherov, N. A. Povetkin. Moscow: INFRA-M Publ., 2020. (In Russ.)
7. Duyunov V. K., Zakomoldin R. V. *Criminal law impact in the mechanism of ensuring national security*. Moscow: RIOR Publ., 2020. 244 p. (In Russ.)
8. Milyukov S. V. Preface to the monograph: Duyunov V. K., Zakomoldin R. V. *Criminal law impact in the mechanism of ensuring national security*. Moscow: RIOR Publ., 2020. Pp. 3–6. (In Russ.)
9. Lipinsky D. A., Musatkina A. A. On legal security in the field of labor relations in the light of the general theory of legal security. *Security Issues*, 2019, no. 4, pp. 1–19. (In Russ.)
10. The official website of Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (accessed 07.10.2021). (In Russ.)
11. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://mvd.rf/reports/item/22678184/> (accessed 20.06.2021). (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Мусаткина – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Musatkina – Candidate of Science (Law), Assistant Professor.

Статья поступила в редакцию 24.06.2021; одобрена после рецензирования 03.08.2021; принята к публикации 31.08.2021.

The article was submitted 24.06.2021; approved after reviewing 03.08.2021; accepted for publication 31.08.2021.